

РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ В ИНВАРИАНТНЫХ ТЕКСТАХ ОЛОНХО

В статье рассматриваются ритмико-синтаксические параллелизмы в инвариантных текстах олонхо. Цель статьи – сравнение инвариантных текстов для выявления особенностей ритмико-синтаксических параллелизмов в эпосе олонхо. В ходе исследования были выявлены из текста олонхо «Хаан Джаргустай», записанного И. А. Худяковым, 487 единиц ритмико-синтаксических параллелизмов, а из текста И. И. Бурнашева «Сын лошади Богатырь Дыырай» – 494 единицы параллелизмов. По каждому тексту были составлены картотеки. При этом, исходя из положений Р. Якобсона, учитывались абсолютно все параллелизмы, включая повторяющиеся несколько раз. В результате анализа картотеки оказалось, что в инвариантных текстах олонхо имеются 62 ритмико-синтаксических параллелизма совпадающих смысловой нагрузкой и формальным оформлением, что составляет 12,7 % от всех параллелизмов, имеющих в тексте И. А. Худякова и 12,5 % от общего количества параллелизмов в тексте И. И. Бурнашева.

Совпадающие параллелизмы были подвергнуты сравнительно-типологическому анализу, в результате чего стало известно, что в инвариантных текстах ритмико-синтаксические параллелизмы являются вариантами, т. е. сохраняя семантическое ядро и основное содержание, подвергаются незначительному варьированию на уровне периферии.

В исследовании выявлено, что совпадающие примеры ритмико-синтаксического параллелизма образуют пласт «общеэпических параллелизмов» якутского олонхо, не поддающийся значительным изменениям даже по истечении длительного периода времени. Именно на его основе образуются эпические формулы и типические места (*loci communes*), что объясняет полистадиальность ритмико-синтаксического параллелизма в эпосе олонхо.

Ключевые слова: олонхо, вариант, инвариант, ритмико-синтаксический параллелизм (далее РСП), семантическое ядро, периферия параллелизма, эпическая формула, типическое место (*loci communes*), интertextуальность, полистадиальность, зоны варьирования.

Borisov Yu. P.

Rhythmic syntax parallelisms in invariant olonkho texts

The article considers rhythmic syntax parallelisms in invariant olonkho texts. The aim is to compare invariant texts for detecting peculiarities of rhythmic syntax parallelism in olonkho epos. The study detected from the olonkho “Khaan Djargustai” recorded by I. A. Khudyakov 487 units of rhythmic syntax parallelisms. And 494 units were revealed from the «Dyuyrai the Warrior a son of the horse» by I. I. Burnashev. We made a catalogue for each olonkho text. Based on the thesis of R. Jacobson we took into consideration absolutely all the parallelisms including those which repeated several times. As a result of analysis it emerged that invariant olonkho text has 62 rhythmic syntax parallelisms with the same meaning and shape. This represents 12.7 % of all the parallelisms of I.A. Khudyakov’s text and 12.5 % of I.I. Burnashev’s text.

The same parallelisms were analyzed with the help of a comparatively typological approach in the long run it was found out that rhythmic syntax parallelisms are the variants of invariant texts, i.e. they subjected to insignificant variation at the periphery.

The research detected that the same samples of rhythmic syntax parallelisms form a block of “common epic parallelisms” of Yakut olonkho that does not significantly change after a long period of time. Epic formulas and common places (*loci communes*) emerge on the block basis that explains a polistadiality of rhythmic syntax parallelism in olonkho epos.

Keywords: olonkho, variant, invariant, rhythmic syntax parallelism (RSP), semantic core, parallelism periphery, epic formula, common places (*loci communes*), intertextuality, polistadiality, variation zone.

БОРИСОВ Юрий Петрович – зав. сектором «Эпическое наследие и современность» Научно-исследовательского института Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: olonhoman@mail.ru

BORISOV Yuriy Petrovich – Head of sector “Epic heritage and modernity”, Scientific Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov North-East Federal University.

E-mail: olonhoman@mail.ru

Введение

В якутском языкознании проблема ритмико-синтаксического параллелизма рассматривалась исследователями с самых разных аспектов. В начале своей истории параллелизм рассматривался как повторение тождественно построенных фраз [1]; как вид сложных предложений [2]; как смысловые единства, дающие целостную и всестороннюю характеристику эпического объекта [3]; как прием создающий поэтический ритм [4]; как организующий композиционный принцип [5]; как вторичный стихообразующий элемент [6]; как основа стиховой формы олонхо [7]; как один из основных элементов структурной основы эпоса олонхо [8].

Однако специальных работ, посвященных сравнительному изучению ритмико-синтаксических параллелизмов якутского олонхо, нет, в чем и проявляется обоснованность и актуальность нашего исследования.

Выявление особенностей языка эпоса олонхо, в частности проблемы функционирования РСП в различных (вариантных и инвариантных) текстах олонхо может раскрыть функциональные особенности РСП при построении текста якутского эпоса. Так Р. Якобсон писал, что: «Глубокий структурный анализ функций параллелизма в фольклоре различных тюркских народов является для языкознания насущной задачей. Как схождения, так и расхождения в ней должны быть выявлены посредством глубокого сравнительно-сопоставительного изучения региональных вариантов» [9, с. 104].

РСП в вариантных текстах олонхо из одной локальности (из Центрального района Якутии) были рассмотрены нами в статье «Параллелизмы в вариантных эпосах» [10], где в результате анализа оказалось, что при переходе исходного варианта (И. И. Бурнашева – Тонг Суоруна) эпоса олонхо в репертуар другого сказителя (У. Г. Нохсорова) сохранилось только 10,7 % РСП из всех имеющихся в тексте (рис. 1) [10, с. 33]. При этом, РСП подвергаются упрощению при помощи опущения компонента или целого члена, или наоборот, усложнению путем ввода нового члена, оформленного в той же форме, что и исходный параллелизм [10, с. 32].

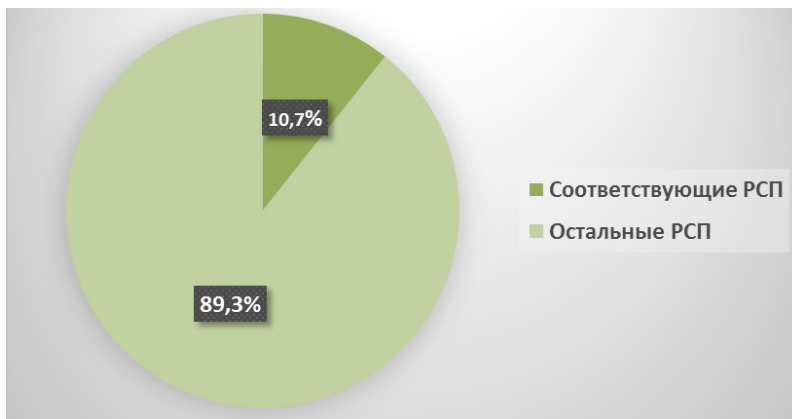

Рис. 1. Соответствие РСП в вариантных текстах олонхо

Интерпретацию понятия «инвариант» мы можем обнаружить в работе Н. Д. Кручинкиной, где исследователь пишет, что: «Инвариант относится к явлениям языкового плана как некая синтезированная, но оформленная по законам данного языка единица того или иного языкового уровня и поэтому одинаково употребительная как категориальный субститут в любом из соответствующих контекстов. В этом понимании инвариант столь же материален, что и каждый из вариантов его реализации» [11].

Более близкое к нашему исследованию определение инварианта сделал К. В. Чистов: «Представление о инварианте мы можем получить, выделяя не только относительно стабильные элементы (стабильны обычно не столько какие-то сегменты текста, сколько их модели), но и относительно варьируемые (в пределах того, что мы предлагали назвать «зонами варьирования». Вариативность – форма функционирования фольклорного текста (и фольклорной традиции в целом), вне которой он никогда не существовал и существовать не мог» [12, с. 145].

Также весьма интересное определение инварианта описал И. А. Оссовецкий. По его мнению, слушателю, воспитанному в традициях народно-поэтической художественной культуры, исполняемое фольклорное произведение заранее известно, и он следит за правильностью его воспроизведения как в обязательных структурных элементах, так и за импровизацией исполнителя в необязательных элементах, то есть слушатель имея более или менее полное представление об инварианте, следит за созданием данного конкретного варианта, которое совершается в его присутствии [13, с. 201].

Целью данной статьи является выявление особенностей ритмико-синтаксических параллелизмов в инвариантных текстах олонхо. В качестве материала исследования нами выбраны тексты эпоса олонхо, являющиеся инвариантными: «Хаан Джаргыстай» (объем текста составляет 6 680 стихотворных строк) записан политическим ссылкой И. А. Худяковым во второй половине XIX в. Для сравнения выбран текст олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» олонхосута И. И. Бурнашева – Тонг Суоруна (объем текста 6 687 стихотворных строк), записанный фольклористом Г. У. Эргисом.

Основаниями к инвариантности исследуемых текстов являются: во-первых, ареальное отличие, если олонхо «Хаан Джаргыстай» записано в Верхоянском районе (на Севере Якутии), то олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» зафиксирован в Мегино-Кангаласском районе (Центральном районе Якутии); во-вторых, временное различие, т. е., если текст олонхо «Хаан Джаргыстай» записан во второй половине XIX в., то олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» зафиксирован Г. У. Эргисом в 1939 г.; в-третьих, отличие в сюжете, если в олонхо, записанном И. А. Худяковым, сюжет эпоса развивается вокруг подвигов трех поколений богатырей, и, как отмечает эпосовед Илларионов В. В., укладывается в традиционную схему «үс үйэлээх олонхо» («олонхо в три поколения») [14, с. 8], то олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» представляет собой классическое олонхо с одним главным героем и, по классификации Н. В. Емельянова, входит во 2 подгруппу: «Заселение среднего мира отверженными потомками айыы» [15].

Сравнительно-типологический анализ ритмико-синтаксических параллелизмов в инвариантных текстах олонхо

В ходе выборки материала, придерживаясь положения Р. Якобсона, были учтены абсолютно все параллелизмы, включая повторяющиеся несколько раз, и выявлены из текста олонхо «Хаан Джаргыстай», записанном И. А. Худяковым, 487 единиц ритмико-синтаксических параллелизмов, а из текста И. И. Бурнашева «Сын лошади Богатырь Дыырай» – 494 единицы параллелизмов. По каждому тексту были составлены картотеки.

Типологический анализ в данной статье построен на сравнении аналогичных ритмико-синтаксических параллелизмов из инвариантных текстов, что позволяет достигнуть цели данной статьи.

В результате сравнительного анализа картотеки оказалось, что в инвариантных текстах олонхо «Хаан Джаргыстай» и «Сын лошади Богатырь Дыырай» имеются 62 ритмико-синтаксических параллелизмов, совпадающих по смысловой нагрузке и формальному оформлению. Это составляет 12,7 % от всех параллелизмов, имеющих в тексте И. А. Худякова (рис. 2), и 12,5 % от общего количества параллелизмов в тексте И. И. Бурнашева.

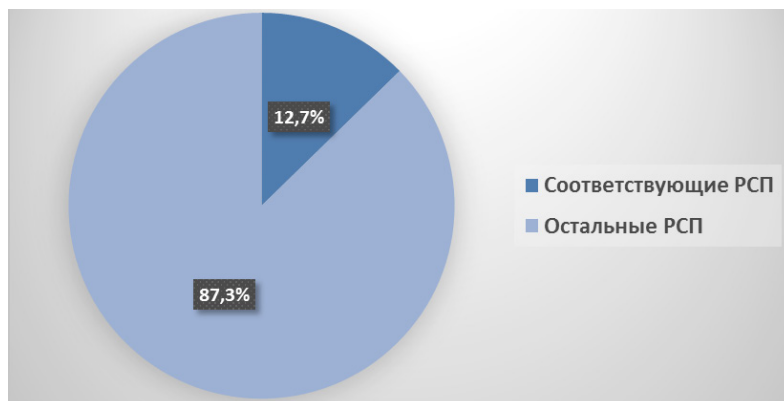

Рис. 2. Соответствия РСП в инвариантных текстах олонхо

Что касается перевода исследуемых текстов, то следует уточнить, что текст олонхо «Сын лошади Богатырь Дыырай» был переведен на русский язык Е. С. Сидоровым по типу свободного перевода, то есть в первую очередь адресован русскоязычным читателям, и потому в некоторых случаях РСП подвергнуты упрощению. Поэтому некоторые анализируемые примеры из данного олонхо переведены нами подстрочным способом. А текст олонхо «Хаан Джаргыстай» стал доступен широкому кругу читателей только в 2016 г. и не имеет перевода, поэтому примеры из него тоже переведены нами подстрочным способом.

В данной статье мы выделим и проанализируем особо интересные примеры.

1. РСП, описывающие облик богатыря:

Уолах тиит	Со ступнями
Орто чууркатын курдук уллуктаах,	Словно средние чурки молодой лиственницы,
Баай тиит	С мускулами
Баѳарах кэрдиитин курдук былчыннаах...	Словно отметки <i>баѳарах</i> на богатой
[14, с. 81].	лиственнице... [Пер. наш].

Суллаабыт тиит курдук сотолоох,	Голени будто оголенный комель,
Уолах мас курдук уллуктаах,	Ступни словно молодая лиственница,
Хастаабыт мас курдук харылаах,	Запястья будто содранные стволы,
Бысталаабыт тиит курдук былчыннаах...	Мускулы словно распиленные лиственницы...
[16, с. 32].	[Пер. наш].

В вышеприведенных РСП описывается гиперболический внешний облик богатыря айыы – главного героя олонхо. Оба параллелизма соединены дословным повторением послелога: *курдук* (букв. будто). При этом первый РСП двучленный, а второй четырехчленный. В первом параллелизме содержатся синонимические словосочетания: *уолах тиит* / *баай тиит* (букв. молодое дерево / богатая лиственница), вариации которого можно обнаружить во втором параллелизме: *уолах мас* / *бысталаабыт тиит* (букв. молодая лиственница / распиленная лиственница). Однако, во втором РСП наблюдаются дополнительные члены из этой же категории синонимов: *суллаабыт тиит* / *хастаабыт мас* (букв. оголенный комель / содранные стволы). Кроме того, в первом РСП имеются дополнительные синонимичные определительные элементы, переданные словосочетаниями: *орто чуурката* / *баѳарах кэрдиитэ* (букв. средняя чурка / отметка *баѳарах*). Несмотря на все вышеизложенное, данные РСП являются семантически одинаковыми.

2. РСП, описывающие богатырский лук:

Кимээн-имээн дайды киилэ кииллээх,	С твердой древесиной из страны Кимээн-
Хамаан-имээн дайды хатына хатыннаах,	имээн,
Тумаан-имээн дайды туоһа туостаах...	С березовым ободом из страны Хамаан-имээн,
[14, с. 26].	С берестой из страны Тумаан-имээн... [Пер. наш].

Китиэн-имиэн дойду	Скрепленный прочной древесиной
Киилэ кииллээх,	Страны Китиэн-имиэн,
Хатыан-имиэн дойду	Сделанный из березы
Хатына хатыннаах,	Страны Хатыан-имиэн,
Томоон-имиэн дойду	Обернутый берестой
Туоһа туостаах...	Страны Томоон-имээн...
[16, с. 74].	[16, с. 245].

В данных примерах члены в трехчленном РСП построены на повторе лексических основ: *киил* / *хатын* / *туос* (букв. твердая древесина / береза / береста) и соединены между собой дословно повторяющимися лексическими единицами: *дайды* / *дойду* (букв. страна), а также вариативными локативами: *Кимээн-имээн* / *Китиэн-имиэн*, *Хамаан-имээн* / *Хатыан-имиэн*, *Тумаан-имээн* / *Томоон-имиэн*, указывающими на происхождение материалов, составляющих богатырский лук. Из чего становится известно, что рассмотренные примеры РСП по отношению друг к другу являются вариативными, то есть показывают вариацию одного и того же РСП.

3. РСП, описывающие предметы быта богатыря:

Аллаах ат баһын саба Ала чокуурдаан хататгаах (буолбут), Сылгы быарын саба Үөл хара эстирииктээх* (буолбут)... [14, с. 26].	С размером головы резвого коня Имеющий огниву-кремень, С печень жеребенка Имеющий чернющий креммень... [Пер. наш].
Хара тый быарын курдук хататгаах, Эскил тый быарын курдук эстэриилээх... [16, с. 76].	С печень вороного жеребенка имеющий огниво, С печень бродячего жеребенка имеющий креммень... [Пер. наш].

В этих двучленных РСП описываются богатырские предметы для разжигания огня: *чокуур* (букв. огниво) / *эстэриик* (букв. креммень), которые образуют семантическое ядро параллелизмов. Члены в первом РСП эквивалентны относительно друг друга и соединены между собой дословными повторениями лексической единицы – послелого: *саба* (букв. с размером, словно), который сочетается с словосочетаниями, являющимися контекстными синонимами: *аллаах ат баһа* / *сылгы быара* (букв. голова быстрого коня / печень жеребенка). При этом лексические единицы, являющиеся семантическим ядром РСП дополнены определениями, усиливающими восприятие слушателя: *чокуурдаан* / *үөл хара* (букв. кремнёвый / чернющий). А в сравниваемом примере члены также эквивалентны друг к другу и соединены между собой дословным повторением целого словосочетания: *тый быарын курдук* (букв. словно печень двухгодовалого жеребенка), которые также снабжены определениями – контекстными синонимами: *хара* / *эскил* (букв. черный / бродячий).

4. РСП, описывающие образ жизни богатыря:

Халын хаһаннан харчы уурунан, Суон саалынан тонобос* кэбиһэн, Көньүү* кымыһынан күэмэйин онгостон, Көмүрүө унуобунан тийһин саайан олоодобуна... [14, с. 27].	Жирными кусками <i>хаса</i> отмечая прыжки, Толстыми жиром <i>саал</i> отмечая дистанции, Крепким кумысом горло полоская, Рыхлой костью зубы чистя прожилвал... [Пер. наш].
Саамал кымыһынан санаатын тарбатын Көбүөр кымыһынан көхсүн көннүөрдэн, Халын хаһанан хаччы кэбиһэн, Дьоһун мүһэнэн мохсуо уурунан... [16, с. 38].	Свежим кумысом разгоняет думы, Шипящим кумысом радует себя, Толстыми кусками <i>хаса</i> отмечая прыжки, Салом с заправка играя в городки... [16, с. 212].

В этих четырехчленных параллелизмах связь между членами не особо устойчивая. В первом примере об этом свидетельствуют первые два члена, ядром которых выступают лексические единицы, являющиеся реалиями: *хaha* / *саал* (букв. брюшной жир / жир в области шеи у лошади), связь между которыми не оспорима. Однако, в третьем и четвертом членах семантическим ядром выступают словосочетания: *көньүү кымыс* / *көмүрүө унуох* (букв. крепкий кумыс / рыхлая кость), которые сочетаются только тем, что являются контекстными синонимами и подобраны по законам аллитерации. А во втором РСП можно разделить члены на две части: в первой части ядром параллелизма выступает лексическая единица: *кымыс* (букв. кумыс), а во второй части ядром выступают также, как и в первом примере, лексические единицы, являющиеся реалиями: *хaha* / *саал* (букв. брюшной жир / жир в области шеи у лошади). Тем самым, между сравниваемыми параллелизмами наблюдается тесная связь на уровне ядра и членов параллелизма.

5. РСП, описывающие инициацию речи:

Хоммут уоспун хонноруум, Өрүөбүт уоспун өһүлүүм! [14, с. 29].	Раскрыл уста проспавшие, Открыл уста застывшие... [Пер. наш].
---	---

Өрөөбүт уоһун өһүллэ,
Хоммут уоһун хонуннарда,
Үрүн көмүс күөмэйин көбүөхтэттэ,
Алтан дыаагы айабын аппаннатта...

[16, с. 42].

Раскрыл уста застывшие,
Открыл уста проспавшие,
Задвигал гортанью серебряной
Раздвинул челюсти медные...

[Пер. наш].

Данные РСП описывают переход эпического героя от статистического состояния к динамическому, то есть рассматриваемые РСП описывают момент начало речи. Семантическим ядром в обеих РСП выступает лексическая единица: *уос* (букв. губы), а второй пример дополнен двумя членами с ядром из той же семантической категории, образованными контекстными синонимами: *күөмэй / айах* (букв. горло / рот). Также в рассматриваемых примерах совпадает периферия, то есть определения: *хоммут / өрөөбүт* (букв. ночевал / отдыхал) и сказуемые переданные глаголами: *хонноруум / өһүлүүм* (букв. отделил / раскрою). При этом периферию дополнительных членов второго РСП также составляют аналогичные лексические единицы, подобранные по принципу аллитерации.

6. РСП, описывающие богатыря в гневе:

Киһиргэс санаата кэтэх өттүттэн киирэн кэлбит,
Уордаах санаата ойбоос өттүттэн ойон кэлбит,
Күстээх санаата көбүс өттүттэн көтөн тийэн
кэлбит...

[14, с. 30].

Хвастливые мысли стали появляться в голове,
Грозные мысли стали заходить с боков,
Сильные мысли стали залетать со спины...

[Пер. наш].

Уохтаах санаата уолугунан киирэн,
Бардам санаата баһынан киирэн,
Күүстээх санаата көмөхөйүнэн киирдэ...

[16, с. 103].

Гневом вскипает грудь,
Грозные мысли теснятся в голове,
Хочет вырваться из горла
Буйное слово, сдержался...

[16, с. 271].

В рассматриваемых трехчленных параллелизмах полностью совпадает семантическое ядро, которое выражено лексической единицей: *санаа* (букв. мысль) в сочетании с вариативными синонимами: *киһиргэс / бардам* (букв. хвастливый / наглый), *уордаах / уохтаах* (букв. грозный / сильный), *күүстээх* (букв. сильный). Члены первого РСП соединены между собой дословным повторением ядра, а также послелога: *өттүттэн* (букв. со стороны) и причастия: *кэлбит* (букв. пришел). Члены второго РСП также соединены между собой дословным повторением ядра и деепричастия: *киирэн* (букв. взойдя). При этом, в третьем члене вместо деепричастия использован глагол: *киирдэ* (букв. вошел), который маркирует завершение РСП. Здесь следует отметить, что деепричастие *киирэн*, также обнаруживается в первом члене первого РСП, что указывает на тесную связь рассматриваемых примеров.

7. Локативные РСП, описывающие готовность богатыря к битве:

Кыргыз илиитигэр
Кыырыктаах батаһын таннары таньахтанна,
Илбис илиитигэр
Итириктээх үнүүтүн өрө тутта...

[14, с. 33].

В боевой руке
Яростный «*батас*» острием воткнул вниз в землю,
В кровожадной руке
Опьяненную «*юнгюю*» поднял вверх...

[Пер. наш].

Хааннаах дапсылҕата диэни
Таннары тайахтанна,
Өһөхтөөх сөгөлөөнө диэни
Өрө тутта...

[16, с. 47].

Кровавую *батыяа* взял
Острием вниз как посох,
Сегёлен со сгустками крови
Поднял вверх...

[16, с. 220].

В вышеприведенных примерах описывается подготовка богатыря к битве, который в знак своей готовности схватывает свое оружие. В данных РСП идентичны только составные сказуемые членов, передающиеся сложными глаголами, выражающими локативность: *таннары таньахтанна* (букв. острием вниз воткнул как посох) и *өрө тутта* (букв. поднял вверх), которые

по отношению друг к другу являются антонимами. То есть, в данных двучленных РСП первые члены относительно вторых членов являются аналитическими противопоставлениями. Также в первом параллелизме содержится дополнительное семантическое ядро: *илии* (букв. рука), дополненное определениями: *кыргыз / илбис* (букв. сражение / страсть к крови). А остальные элементы РСП выражены контекстными синонимами: *кыырыктаах батас / итириктээх үнүү* (букв. яростный батас / опьяненный юнгию), *хааннаах дапсылбата / өһөхтөөх сөгөлөөнө* (букв. кровавая батыя / сегёлен со сгустками крови).

8. Темпоральные РСП, описывающие продолжительность:

<p>Өр да баартарын, Өтөр даа баартарын билиммэтилер...</p>	<p>Долго ли ехали, Коротко ли ехали не различили...</p>
[14, с. 34].	[Пер. наш].

<p>Өр да барытын Өйдөөбөт курдук айаннаата, Өтөр да барытын Үөмтэлээбэт курдук көтүттэ...</p>	<p>Не понял, долго ли едет, Коротко ли скачет куда-то...</p>
[16, с. 79].	[16, с. 249].

В этих антонимических двучленных РСП описывается продолжительность странствий главных героев. Ядром сравниваемых параллелизмов выступают антонимы, выраженные наречием: *өр / өтөр* (букв. долго / коротко), которые сочетаются с союзом «да» и вариантными деепричастиями в множественном и единственном числе: *баартарын / барытын* (букв. ехали / ехал). Основное отличие рассматриваемых РСП состоит в том, что во втором примере имеются дополнения к членам в виде вариантных синонимичных по отношению друг к другу элементов: причастиями: *өйдөөбөт / үөмтэлээбэт* (букв. не помнит / не вникает) и глаголами: *айаннаата / көтүттэ* (букв. едет / скачет), которые соединены дословным повторением послелого: *курдук* (букв. словно).

9. РСП, описывающие красоту прекрасной девы:

<p>Танас бүтэй тирилэрэ көстө турар, Тири бүтэй эттэрэ көстөр, Бүтгэс бүтэй силиилэрэ көстөр...</p>	<p>Сквозь одежду их кожа видна, Сквозь кожу их тела белеют, Сквозь тело их костный мозг виден...</p>
[14, с. 37].	[Пер. наш].

<p>Эт бүтэй унуоҕа көстөр, Унуох бүтэй силиитэ дьалкыйар...</p>	<p>Сквозь тела белеют кости, Сквозь кости слегка волнуется Костный мозг – так она прелестна...</p>
[16, с. 116].	[16, с. 281].

Как видно из примеров, первый РСП трехчленный, а второй двучленный. Члены параллелизмов соединены между собой дословным повторением лексемы: *бүтэй* (букв. сплошной) и глагола: *көстөр* (букв. видно). А остальные элементы РСП по отношению друг к другу переданы контекстными: *танас / тири / бүттэс* (букв. одежда / кожа / тело), *эт / унуох* (букв. мясо / кость) и вариантными синонимами: *көстө турар / көстөр* (букв. виднеется / видно), из чего становится известна очевидность вариации одного и того же параллелизма.

10. РСП, описывающие поход:

<p>Айан киһитэ, аспатаргын даҕаны, Суол киһитэ, тонмоторгун даҕаны, Сырыы киһитэ, сылайбатаргын даҕаны...</p>	<p>Путник, даже если не проголодался, Человек с дороги, даже если не замерз, Проезжий человек, даже если не устал...</p>
[14, с. 38].	[Пер. наш].

<p>Суол киһитэ буолан тутайбыт, Сырыы киһитэ буолан сылайбыт, Айан киһитэ буолан ааспыт...</p>	<p>Являясь путником, стал нуждаться, Являясь проезжим человеком, устал, Являясь путником, проголодался...</p>
[16, с. 80].	[Пер. наш].

В данных трехчленных РСП полностью совпадают дословно повторяющиеся словосочетания: *айан кихитэ / суол кихитэ / сырыы кихитэ* (букв. путник / человек с дороги / проезжий человек), которые переданы синонимами и являются семантическим ядром параллелизма. Кроме того, в примерах повторяются и сказуемые, переданные в первом РСП причастиями, являющимися контекстными синонимами: *ааспатаргын / тонмоторгун / сылайбатаргын* (букв. не проголодался / не замерз / не устал), которые ввиду наличия отрицательной формы скреплены между собой дословно повторяющейся частицей: *даҕаны* (букв. даже), во втором РСП сказуемые также переданы причастиями, являющимися контекстными синонимами: *тутайбыт / сылайбыт / ааспыт* (букв. стал нуждаться / устал / проголодался) и скреплены между собой дословным повторением деепричастия: *буолан* (букв. став). Тем самым данные примеры являются вариацией одного и того же параллелизма. Отличие между ними заключается лишь в отрицательной форме первого примера.

11. РСП, описывающие плач:

Ытааччы ытаан, Сонооччу соноон...	[14, с. 137].	Кто плачет, тот стал горько плакать, Кто рыдает, тот стал громко рыдать...	[Пер. наш].
Ый ытыныны ытаабыт, Сой сонуну сонообут...	[16, с. 141].	Стал заливаться горькими слезами, Стал горько плакать.	[Пер. наш].

В рассматриваемых двучленных РСП представлен весьма редкий вид параллелизма, который образован семантическим разделением парных слов. В данном случае в качестве семантического ядра параллелизма выступает парное слово: *ытаа-соноо* (букв. горько плакать), элементы которого разделены семантически и образуют члены параллелизма. При этом в каждом члене повторяются основы лексических единиц. Данные примеры тождественны, за исключением дополнительных элементов во втором РСП, которые выражены контекстными синонимами: *ый* (букв. луна) и *сой* (семантика не известна) и подобраны по принципу аллитерации.

12. РСП, описывающие бессмертие богатыря:

Өлбөт үйэлээх, Быстыбат тыыннаах...	[14, с. 149].	С бесконечной жизнью, С бессмертной душой...	[Пер. наш].
Өлбөт үөстээх, Быстыбат тыыннаах киһи эбит...	[16, с. 145].	С бессмертным сердцем, С бессмертной душой он был человеком...	[Пер. наш].

Приведенные примеры двучленных РСП совпадают абсолютно как семантически, так и формально. Семантическим ядром данных параллелизмов выступают синонимы: *өлбөт / быстыбат* (букв. бессмертный / неисчерпаемый). Различие состоит лишь в том, что в качестве второго компонента первых членов использованы контекстные синонимы: *үйэлээх / үөстээх* (букв. человеческий век / сердцевина). А остальные элементы абсолютно одинаковы.

Заключение

В результате анализа стало известно, что в основном совпадают ритмико-синтаксические параллелизмы, описывающие: облик богатыря и прекрасной девы, богатырский лук, предметы быта, образ жизни, инициацию речи, богатыря в гневе, готовность к бою, поход, продолжительность похода, бессмертие главного героя, плач, которые по отношению друг к другу являются вариантами, т. е. показывают вариацию одного и того же параллелизма. Что на наш взгляд, подтверждает универсальность и интертекстуальность рассмотренных ритмико-синтаксических параллелизмов в якутском олонхо.

Если учесть то, что между рассмотренными инвариантными текстами олонхо разница в записи составляет около 70 лет¹, то ритмико-синтаксические параллелизмы совпадают и показывают вариацию, т. е. сохраняя семантическое ядро и основное содержание, подвергаются незначительному варьированию на уровне периферии. Из чего становится известно, что ритмико-синтаксические параллелизмы представляют собой зоны варьирования текста и являются обязательными структурными элементами якутского эпоса олонхо, функциональная значимость которых заключается в том, что, благодаря им, слушатели, воспитанные в лучших традициях якутского олонхо, являясь знатоками, следят за правильностью исполнения сказителем эпоса олонхо.

Таким образом установлено, что в инвариантных текстах олонхо ритмико-синтаксические параллелизмы сохраняются с незначительными изменениями на уровне 62 единиц, что равно 12,7 % от общего объема всех параллелизмов, имеющих в тексте, записанном И. А. Худяковым. Следует отметить, что в вариантных текстах олонхо данный показатель был равен 10,7 %. Эти данные свидетельствуют о том, что в якутском олонхо действует закономерность функционирования ритмико-синтаксических параллелизмов в текстах. Эту закономерность можно выявить при помощи средней величины от двух вышеупомянутых известных, т. е. она будет равна 11,7 %. Тем самым можно чисто теоретически утверждать, что в любом тексте эпоса олонхо существует пласт ритмико-синтаксических параллелизмов, который составляет 11,7 % от общего объема всех параллелизмов, который не поддается значительным изменениям даже по истечении длительного периода времени и объединяет в себе «общеэпические параллелизмы» для всех текстов олонхо. Именно на его основе образуются эпические формулы и типические места (*loci communes*), что объясняет полистадиальность ритмико-синтаксического параллелизма в эпосе олонхо.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00505 а.

Литература

1. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск: Якут. кн. изд.-во, 1965. – 126 с.
2. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть 2. Сложное предложение. – Новосибирск: Наука. СО РАН, 1976. – 376 с.
3. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 227 с.
4. Тобуроков Н. Н. Якутский стих. – Якутск: кн. изд.-во, 1985. – 160 с.
5. Показилова Н. В. К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом // Язык – миф – культура народов Сибири. Сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 188 с.
6. Дьячковская М. Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения, 1998. – 153 с.
7. Петров Н. Е. Олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества. – Якутск: Изд. ЯГУ, 2009. – 158 с.
8. Роббек Л. В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 140 с.
9. Якобсон Р. О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
10. Борисов Ю. П. Параллелизм в вариантных эпосах олонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 12 (30) в 2-х ч. Ч. II. – С. 29-33.
11. Кручинкина Н. Д. Интерпретация понятия инварианта в современной лингвистике // Гуманитарные исследования: традиции и инновации: сб. науч. тр. Вып. 2. – Саранск, 2006. – С. 49-55.
12. Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. – Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1983. – С. 143-170.

¹ Известно, что И. А. Худяков в начале 1869 г. сдал в статистический комитет рукопись работы «Материалы для народной словесной характеристики местного языка и обычаи инородцев Верхоянского округа». А олонхо И. И. Буриашева было записано Г. У. Эргисом в 1939 г.

13. Оссовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. – М.: Наука, 1979. – С. 199-252.
14. Хаан Дьаргыстай: олонхо / М. К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни федерал. ун-т, Хотугулуу-Илинни норуоттар тылларын уонна культураларын ин-та, Фольклор уонна култуура каф. – Дьокуускай: Алаас, 2016. – 232 с. (на якутском яз.)
15. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.
16. Бурнашев И. И. – Тонг Суорун. Сылгы уола Дьырай Бухатыр = Сын лошади Богатырь Дьырай / Зап. Г. У. Эргис со слов сказителя И. И. Бурнашева-Тонг Суоруна; пер.: Е. С. Сидоров. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 376 с.

References

1. Vasil'ev G. M. Jakutskoe stihoslozhenie. – Jakutsk: Jakut. kn. izd.-vo, 1965. – 126 s.
2. Ubrjatova E. I. Issledovanija po sintaksisu jakutskogo jazyka. Chast' 2. Slozhnoe predlozhenie. – Novosibirsk: Nauka. SO RAN, 1976. – 376 s.
3. Slepcev P. A. Jakutskij literaturnyj jazyk. Formirovanie i razvitie obshhenacional'nyh norm. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 227 s.
4. Toburokov N. N. Jakutskij stih. – Jakutsk: kn. izd.-vo, 1985. – 160 s.
5. Pokatilova N. V. K voprosu o formah parallelizma v jepicheskom zhanre oлонho: iz nabljudenij nad tekstom // Jazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri. Sb. nauchn. st. – Jakutsk: Izd-vo JaGU, 1996. – 188 s.
6. D'jachkovskaja M. N. Alliteracija i rifma v jakutskoj poezii. Problemy jevoljucii i klassifikacii. – Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdelenija, 1998. – 153 s.
7. Petrov N. E. Oлонho – shedevr ustnogo i nematerial'nogo nasledija chelovechestva. – Jakutsk: Izd. JaGU, 2009. – 158 s.
8. Robbek L. V. Leksiko-semanticheskie osobennosti jazyka jakutskogo geroicheskogo jeposa oлонho. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 140 s.
9. Jakobson R. O. Grammaticheskij parallelizm i ego russkie aspekty // Raboty po pojetike. – М.: Progress, 1987. – 464 s.
10. Borisov Ju. P. Parallelizm v variantnyh jeposah oлонho // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2013. – № 12 (30) v 2-h ch. Ch. II. – S. 29-33.
11. Kruchinkina N. D. Interpretacija ponjatija invarianta v sovremennoj lingvistike // Gumanitarnye issledovanija: tradicii i innovacii: sb. nauch. tr. Vyp. 2. – Saransk, 2006. – S. 49-55.
12. Chistov K. V. Variativnost' i pojetika fol'klornogo teksta // Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slavjanskih narodov. – Kiev, sentjabr' 1983 g. Doklady sovetskoj delegacii. – М.: Nauka, 1983. – S. 143-170.
13. Ossoveckij I. A. Nekotorye nabljudenija nad jazykom stihotvornogo fol'klora // Oчерki po stilistike hudozhestvennoj rechi. – М.: Nauka, 1979. – S. 199-252.
14. Haan D'argystaj: олонхо / М. К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни федерал. ун-т, Хотугулуу-Илинни норуоттар тылларын уонна култураларын ин-та, Fol'klор уонна култуура каф. – Д'окуускай: Алаас, 2016. – 232 с. (на якутском яз.)
15. Emel'janov N. V. Sjuzhety jakutskih oлонho. – М.: Nauka, 1980. – 375 с.
16. Burnashev I. I. – Tong Suorun. Sylgy uola Dyyraj Buhatyrr = Syn loshadi Bogatyr' Dyyraj / [Зап. G. U. Jergis so slov skazitelja I. I. Burnasheva-Tong Suоруна; пер.: E. S. Sidorov]. – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 376 s.

